

Русскоязычие нерусских: истоки и следствия

LIUBOV B. CHETYROVA, *Universidad de Samara*
chetyrova@mail.ru

RESUMEN

El artículo trata el tema de la pérdida del lenguaje natal por las minorías étnicas en Rusia. El ruso reemplaza actualmente el idioma de los Kalmyk. El uso de ruso entre los Kalmyk es idéntico al uso del inglés entre los nativos de Nigeria o India. La autora del artículo sostiene que la desaparición del lenguaje vernáculo de los Kalmyk por la mayoría de la población no significa la pérdida de su identidad nacional.

Palabras clave: Kalmik, identidad étnica, lengua rusa.

Russian Spoke by Non-Russians: Reasons and Consequences

ABSTRACT

This article addresses the topic of the loss of the mother tongue in ethnic minorities in Russia. Today, Russian has replaced the Kalmyk language, and the use of Russian among the Kalmyk people is similar to the use of English among natives of Nigeria or India. However, the author argues that the disappearance of the vernacular language for the majority of the Kalmyk people does not mean the loss of their national identity.

Keywords: Kalmyk, ethnic identity, Russian language.

Один из моих друзей – американский калмык, потомок эмигрантов первой волны, родившийся в Болгарии, в трагический для Америки день 11 сентября был в гостях у своих родственников в Софии. Естественно, услышав об этом чудовищном теракте, он сразу же попытался связаться со своей семьей. Однако ему это не удалось с первого раза. Лишь поздно ночью ему позвонил сын - американец из Вашингтона. Спросонок мой друг ответил ему на болгарском языке. Сын прервал его словами: «Dad, I don't speak Bulgarian».

Американские калмыки – потомки донских казаков-калмыков, покинувших Россию в 1920 из Новочеркаска, говорят на нескольких языках – калмыцком, болгарском, сербском, немецком, английском, русском. Они представляют собой относительно небольшое сообщество, проживающее в Америке больше 50 лет. Живут они в основном в Филадельфии и в городках штата Нью Джерси, неподалеку от Нью Йорка. Полиглотами являются, естественно, только калмыки старшего поколения, родившегося в балканских странах, приютивших эмигрантов из России. Эмигранты придавали большое значение сохранению не только родного калмыцкого языка, но и русского. Они все еще надеялись вернуться в прежнюю, досоветскую Россию. Русский язык был важен для них как средство идентификации себя в качестве подданных России, в качестве донских казаков.

Язык является важнейшим маркером, позволяющим установить границы этнической группы. В описанной ситуации калмыцкий язык устанавливал границы этнической группы калмыков, а русский язык был маркером, устанавливающим границы калмыцкого донского казачества. Все сказанное относится к калмыкам – потомкам эмигрантов.

Теперь обратимся к российской действительности.

Тема утраты этнического языка национальными меньшинствами в России является одной из злободневных для тех, кого занимает вопрос об этносах, нациях, их культуре и идентификации. Исчезновение родного языка рассматривается многими – не только теми, кого зовут профессионалы представлений, но и обычными людьми как начало исчезновения этнической культуры.

В статье речь пойдет, во-первых, о трансформации функций русского и этнического языка, произошедшей в ходе советского опыта аккультурации этнических групп. Во-вторых, о русском языке как языке национальных меньшинств.

Каковы причины исчезновения этнических языков народов России? Главную причину следует искать в трансформации этнических культур, которая произошла в *плавильном котле* советской модернизации. Главная задача Октябрьской революции заключалась в захвате политической власти и социально-экономической и культурной трансформации российского общества. Традиционное российское общество подверглось жесткой модернизации. В терминах марксизма-ленинизма это было построение социально-экономических основ социализма и совершение культурной революции. Ставя амбициозную задачу модернизации, большевики хорошо представляли себе, с какими трудностями они столкнутся, учитывая, что захваченное ими тело бывшей империи составляли народы, находящиеся на разных ступенях развития. Здесь были народы, укорененные в родовых отношениях, большинство, конечно, находилось в условиях феодализма, но были и слои, включенные в индустриальные (капиталистические) отношения. При этом все они говорили на разных языках, исповедывали разные религии, имели разные бытовые привычки и т.д.

Успех замысла большевиков зависел от того, насколько новая власть способна консолидировать в опыте строительства социализма разноязыкое полиэтничное общество, укорененное не только в феодализме, но даже в родовом строе. Вот для этого и совершалась культурная революция. Революционеры ломали старую традиционную культуру и хотели построить новый индустриальный мир социализма. Фигурально выражаясь, большевики учли печальный опыт *дис-коммуникации* строителей Вавилонской башни. Успех строительства зависел от того, насколько строители нового мира были способны, во-первых, осмысленно подходить к такому важному делу, как строительство нового общества, во-вторых, понимать друг друга.

Вот почему перед большевиками встала во всей своей сложности задача создания такого смыслового горизонта, который, очерчивая мир строящегося социализма, позволил бы осуществить коммуникацию множества этнических групп. При этом создаваемые смысловые единицы должны были соответствовать новым реалиям. Совершая революцию, большевики уничтожали прежние политические, экономические, социальные структуры и одновременно с этим ломали и структуры прежнего языка. Создавая новые социалистические институты, большевики создавали новый язык, способный выразить новый опыт. Новым язык был не только для этнических групп, но и для русских тоже.

Модернизация общества требовала наличия грамотного населения, в свою очередь, сама ликвидация неграмотности была частью модернизации общества. Она была достигнута в сравнительно короткие исторические сроки. Для большинства российских этносов эта задача была бы невыполнима, если бы большевики не выстроили свою

языковую политику. Нужно было создать алфавит для большинства этнических групп, не имевших собственного письменного языка, создать литературные нормы этнических языков. Для этого был создан Всесоюзный комитет нового алфавита, благодаря чему в короткое время были написаны учебники для этнических школ, созданы терминологические словари (Алпатов, 1997: 70-71).

Без нового языка формирование новых социалистических институтов и отношений было бы невозможным. Большевики интуитивно понимали важность языка для человека, живущего в мире, и эмпирически пришли к тому же, с чего начинается герменевтика - проблеме языка как опыта мира, проблеме пред-истолкованности мира в языке. Идея Гадамера о взаимосвязанности языка и мира заключается в том, что не только мир становится таковым благодаря тому, что получает языковое выражение, но и подлинное бытие языка состоит в том, что в нем выражается мир (Гадамер, 1988: 513). Новый мир социализма становился реальностью благодаря новому языку строителей социализма, и, наоборот, новый социалистический язык становился реальностью в опыте строительства социализма.

Имеющиеся в наличии к началу строительства основ социализма этнические языки не имели ни категориального аппарата, ни грамматических структур для выражения нового социалистического опыта. Необходим был такой язык, который можно было бы использовать в коммуникациях, язык, способный участвовать в таком смыслопорождении, которое бы обеспечивало восприятие и понимание опыта нового мира. Такой язык должен был задавать новую культурную дистанцию и переопределять отношения власти-подчинения, появившиеся в новом социалистическом мире, способствовать формированию новых социальных агентов - социалистических классов и наций. Надо заметить, что большевики конструировали социалистические нации точно так же, как классики марксизма в свое время создавали рабочий класс (Бурдые, 1994: 190-192). Создавая новые категории и преобразуя тем самым язык, большевики решали важную социальную проблему консолидации общества. Посредством апроприации новых категорий происходил процесс "двойной ассимиляции", с одной стороны, ассимиляция населения в категории национальной политики, с другой - интеграция в новом качестве в советский народ (Hirsch, 2005: 186).

Таким образом, социалистическая революция была не только политической или экономической, но и ментальной революцией, радикально изменившей сознание подданных бывшей Российской империи. Для создания новых смысловых горизонтов большевики использовали интеллектуальный ресурс царской России, рекрутируя ученых - историков, лингвистов, этнографов, географов старой школы. Целью их работы было формирование нового пространства смыслов, доступных представителям нарождающихся из *правильного тигля* социалистической революции наций.

В терминах принятой в западной науке теории аккультурации (Berry, 1990) это означает, что большевики реализовали вначале стратегию интеграции, которая сменилась затем стратегией ассимиляции. Новые этнические языки рождались в ситуации сложнейшего культурного конфликта между русской культурой, этническими культурами и новой социалистической культурой. Большевиками создавался этнический литературный язык, на котором создавалась новая этническая культура, которая постепенно становилась достоянием масс.

Политика большевиков в отношении к этническим языкам была неоднозначной. Характерно негативное отношение большевиков к старописьменным языкам. Причина такого недружелюбия заключалась в том, что язык живет в символическом контексте, свойственном той или иной культуре. В этой связи любопытно рассмотреть проблему в ракурсе, предлагаемом Пятигорским и Мамардашвили в их интерпретации соотношения сознания, языка и культуры. По их мнению, каждая культура является индивидуальным типом соотношения символизма, присущего сознанию и *языковости*. Традиционные культуры сохранили символизм и характеризуются преобладанием символических форм, а не языковых. В отличие от них новоевропейская культура характеризуется преобладанием языковых форм (Мамардашвили и Пятигорский, 1999: 184-185). Поскольку большевики строили социалистическую культуру в согласии с проектом, родившимся в европейской культуре, постольку политика языка в отношении старых культур была для них весьма актуальна. В данном случае старокалмыцкий язык был укоренен в буддийской культуре, которая характеризовалась совершенно иным символизмом, чем новая социалистическая культура. Этим объясняется, почему большевики интуитивно понимали важность языковой революции. Более того, символизм прежней буддийской культуры был замещен новыми символами, которые создавались путем включения элементов языка в аппарат символики. Например, такие слова коммунизм, лозунги «Мир, труд, май!», коммунистический труд, братство народов не имели реального объекта и имели символическое значение. Замещение прежнего символизма культуры новым символизмом в конечном итоге привело к гибели символической жизни этнического сознания. Это и стало причиной утраты российскими этносами этнических языков, которые потеряли свой символический контекст. Этнические языки малочисленных народов погибают под влиянием новых средств аккумуляции, закрепления, передачи и потребления естественного языка.

Вместе с тем существуют иные способы сохранения этнической культуры. Культуру поддерживают традиции, обряды, символически культура закреплена в телесных практиках, которые продолжают исполняться представителями этноса. Представители этноса продолжают идентифицировать себя со своим этносом даже в ситуации утраты этнического языка.

Дело в том, что эти языки выражали совсем иной культурный опыт, чем требовалось. Большевики вполне резонно полагали, что такие языки, к которым относился, например, калмыцкий язык, использовались, прежде всего, для трансляции религиозных знаний и выражения религиозного опыта (Алпатов, 1997: 46). Хотя, конечно же, на старописьменных языках создавались светские литературные произведения, писались исторические тексты и т.д. Подобное отношение большевиков в ранний период строительства социализма закрепилось и нашло продолжение уже в теориях языка позднего социализма. Так, по мнению, Дешериева и Протченко, калмыцкая письменность существует на русской графической основе с 1930-х годов (Дешериев и Протченко, 1968: 15). И это несмотря на то, что калмыки (ойраты) с XIII века пользовались старомонгольской письменностью, а собственная письменность волжских калмыков *тодо бичиг*, созданная калмыцким просветителем Зая Пандитой на основе монголо-уйгурской письменности, существует с XVII века.

Языковая политика, проводимая в отношении к нерусским народам СССР,

была политикой бикультурализма и его частного случая – билингвизма. В свою очередь билингвизм сменился русскоязычием малочисленных народов. Такова была логика развития процесса модернизации. Русскоязычие было неотвратимым уделом малочисленных народов, культура которых, выйдя из кокона традиционализма, стала частью общесоветской культуры. Это был объективный процесс, но и субъективно нацменьшинства выбирали русский язык. В сложившемся социальном пространстве социализма такой символический капитал, как русский язык, безусловно, играл важную роль как ресурс социального продвижения, как ресурс адаптации к новым условиям существования. Ссылаясь на Бурдые, французский социолог Ф. Эран отмечает, что отказ от одного языка в пользу другого обусловлен тем, что люди строят свое языковое поведение, исходя из символической *цены* того или иного языка, из того, какие возможности открывает им использование определенного языка (Эран, 2004: 100).

Таким образом, отказ меньшинств от этнического языка в пользу русского обусловлен не только целенаправленной политикой советского государства, но и субъективным выбором граждан нового государства, членов нового общества.

Сказанное можно эмпирически подтвердить, обращаясь к опыту языкового поведения девушек-калмычек во время депортации¹.

Что происходило с калмыцким языком в этот трагический для калмыков период?

Для анализа я использовала интервью, проведенное с женщинами-калмычками, пережившими выселение². Все рассказчицы отмечали важность знания русского языка, который использовался как средство адаптации, как инструмент идентификации. Дело в том, что многие взрослые калмыки, а тем более дети, депортированные в Сибирь, не говорили по-русски. Знание или незнание русского языка определялось наличием и возможностью контактов с русским населением. Так, если астраханские калмыки,

¹ В 1943 году калмыки были депортированы в Сибирь, Казахстан, Дальний Восток, а Калмыцкая АССР ликвидирована. Правовой основой депортации стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 г. «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР», где было сформулировано обвинение, что «в период Великой Отечественной войны многие калмыки изменили Родине». Уже на следующий день 28 декабря 1943 г. в ходе операции «Улусы», мирное население, а это были в основном женщины, дети и старики, были высланы. Мужчин, сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны, отзывали с фронтов и отправляли в Широлаг и другие лагеря в течение полугода. Холодной зимой 1943-44 года спецпереселенцев привезли в скотных вагонах в январскую Сибирь и поселили в бараках, школах. Для трети переселяемых калмыков путь в Сибирь стал дорогой смерти.

² Летом 2006 года я записала устные истории о депортации, рассказанные пожилыми женщинами-калмычками, пережившими переселение. Они помнят детали переселения, так как к моменту депортации им было 10-16 лет. Мне давно хотелось записать устные истории свидетелей и участников депортации калмыков и анализировать их. Было несколько причин, побудивших меня к этому. Во-первых, меня совершенно не устраивала та идиллическая картина жизни калмыков в Сибири, которую мои родители, депортированные калмыки, живописали нам, своим детям в детстве. Правда, время от времени на общем светлом фоне появлялись черные мазки – результат случайно брошенных слов взрослых, будь то слова русских, вспоминая добрым или недобрым словом то лихое время, или калмыков. Во-вторых, прямо противоположная картина ужасов, страданий и унижений, созданная усилиями тех, кого зовут профессионалами представлений, в период перестройки в Калмыкии, также доверия не вызывала. Интуитивно я чувствовала, что народная интерпретация и картина депортации совсем иная. В-третьих, живых свидетелей трагического события в истории калмыков остается все меньше и меньше. В основном это женщины, так что точнее будет сказать о женской интерпретации значения такого события, как депортация.

жившие в приволжских селах, или донские калмыки, жившие в казачьих станицах Дона и Сала, имели тесные контакты с русскими, то калмыки, жившие в степи, мало контактировали с русскими, и, соответственно, по-русски не говорили. Разумеется, городская калмыцкая культура была уже социалистической и по форме и по содержанию. Что касается степняков, людей, живших в степи, на чабанских точках, то они сохранили традиционную культуру. Внутри депортированных существовало расслоение, основой которого была степень сохранения традиционной культуры или, наоборот, степень вхождения в новую социалистическую культуру. Сам хозяйственный уклад калмыков – отгонное скотоводство – способствовал сохранению традиционализма. Трудно было провести грань между своими и общественными овцами, если паслись они в одной отаре. Разумеется, калмыки, как и все народы, подверглись жесткой коллективизации. Маркером, показывающим, насколько калмыки трансформировались, был именно русский язык.

Символическая ценность знания русского языка еще более усилилась во время депортации, так как давало ощутимые выгоды.

Знание русского языка отмечалось почти всеми рассказчицами как положительное свойство: “А по-русски мы знали, в школу же ходили. Я четыре класса неполных кончила. А сестра моя хорошо училась, шесть классов закончила”.³

Незнание русского языка калмыками являлось, по ее мнению, поводом для насмешек и издёвки со стороны русских, а также причиной неспособности постоять за себя:

А, разные были, (калм.) насмехаться – насмехались, бить – били, толкать – толкали, (калм.) кидать – кидали. Всякие были.
А мы русский язык знали, спуску им не давали.
Мы в деревне жили, втроем с мамой, язык знали. Над теми, кто русский язык не знал, издевались (калм.).

Рассказчица подчеркивает, что знание русского языка является маркером образованности человека. Образование имеет высокую ценность в ее глазах:

С дедом заочно познакомились. Смеется. Он, знаешь, какой грамотный был, письмо написал. Знаешь, какой грамотный был. Он учился вместе с моей сестрой. Они в русской школе учились, в Лебяжьем. Сестра класса 3 закончила. Знаешь, какая грамотная она. Не в калмыцкой, а русской школе. Вот поэтому они по-русски хорошо знают.

Таким образом, знание русского языка было маркером не только грамотности человека, но и его способности успешно реализовать себя, а также защитить себя. Русский язык был необходимым условием коммуникации в условиях социально-психологической изоляции спецпереселенцев. Депортация привела к изменению статуса калмыцкого языка в восприятии самих калмыков.

Депортация уничтожала прежние идентичности калмыков. Они утратили статус равноправных граждан Советского государства, их идентифицировали как предателей Родины. Калмыки лишались важных для них, как носителей кочевой монгольской

³ Респондент К. Басангова, село Утта Яшкульского района.

культуры, ценностей, как достоинство и честь. Депортация лишила их и достоинства, и чести. Оснований для ущемления чувства собственного достоинства было более чем достаточно. Спецпереселенцы, приехав в Сибирь, столкнулись не только с холодом, голодом, отсутствием жилья, привычной пищи, да и всего уклада жизни, но и с враждебным отношением местного населения. К приезду калмыков среди сибиряков кем-то, скорей всего по заданию органов НКВД, распространялись слухи, что калмыки – людоеды.⁴

Адаптация калмыков к жизни в Сибири происходила в контексте столкновения кочевой и земледельческой культур, столкновения разных языков, разных укладов жизни, разных телесных практик. Степняки-калмыки в массе своей не говорили по-русски, одеты были непривычно для русского глаза, ели и пили непонятную пищу, имели странные обычаи.⁵ Для того, чтобы состоялась коммуникация, необходимо не только знание языка, но и наличие общего смыслового горизонта, очерчивающего миры их культур. В этой ситуации они должны были выстраивать новую идентичность, возвращая утраченное достоинство и самоуважение.⁶

Депортация была не просто переселением людей, это было завершением начавшейся после революции трансформации традиционной калмыцкой культуры. Современные исследователи пишут о языковой трагедии у калмыков, большая часть которых не владеет калмыцким языком. По мнению ученых, корни этого следует искать в депортации (Remilev, 2004; Дамбинова и Коростелев, 1993). Нельзя не согласиться с тем, что депортация сыграла свою драматическую роль в том, что калмыки перестали говорить на своем родном калмыцком языке. Однако, возникает резонный вопрос. Почему ситуация с родным языком у чеченцев и ингушей, также переживших депортацию, совершенно иная, почему они говорят на своих языках?

Причины этого кроются, на мой взгляд, в основаниях культуры калмыков. Так же, как ислам, буддизм пронизывает всю культуру, оформляет все стороны жизни человека. Нормы повседневного поведения являлись буддийскими по своему происхождению. Однако существенное отличие буддизма от ислама заключается в его толерантности. Возможно, толерантный характер культуры калмыков и стал причиной апроприации русского языка в ситуации, когда это было наиболее удобным способом адаптации и выживания. Ситуация, в которой оказались калмыки, была ситуацией

⁴ Слухи эти были совершенно бесосновательны, во-первых, потому, что такого голода, который случился в 20-е годы в Поволжье во время коллективизации, в Калмыкии не было. Кроме того, к 40-м годам калмыки все еще строили свое повседневное поведение, руководствуясь этическими нормами буддизма, согласно которому не так страшна смерть, как плохое перерождение. Поэтому о каннибализме не могло быть и речи.

⁵ Сибирячка вспоминает свои детские впечатления о гастрономическом поведении калмыков: «Ваши калмыки работали на поле, картошку собирали. Разведут костер и в ведре мясо варят, потом едят, прямо руками». По тону можно было понять, что дети пугались калмыков и воспринимали их как непонятных, а значит вызывающих опасение людей.

⁶ Надо заметить, что период социалистического строительства был все же коротким и калмыки не успели еще освободиться от феодальных пережитков. Калмыки переходили к социализму от кочевого феодализма, традиционные ценности калмыцкого общества имели феодальное происхождение. Будучи прежде всего воинами, калмыки так же, как средневековые рыцари, имели гипертрофированное представление о чести и достоинстве. А.Я. Гуревич наглядно показывает причины такого гипертрофирования чести и достоинства. Естественно, калмыки стремились вернуть утраченное достоинство. Один из путей этого – успешная адаптация при помощи русского языка, другой способ – успешная работа на благо Родины.

экзистенциального кризиса, тем более для подростков и молодых девушек, кем тогда были наши рассказчицы.

Однако тот русский язык, который усвоили спецпереселенцы и на котором они говорят сейчас, отличается от нормативного русского языка. Конечно, в данном случае мы имеем дело с разговорным русским языком, в котором прилагательные употребляются значительно реже, чем существительные, глаголы, местоимения, наречия (Сиротинина, 1983: 48). Разговорный русский язык респондентов характерен тем, что в нем преобладают существительные и глаголы. Это скорее язык действий, команд, императивов. Для выражения эмоций рассказчицы используют междометия или восклицания. Прилагательные и местоимения используются тогда, когда они выражают существо явления, а не какие-то нюансы. Например, рассказчица, говоря о том, как их перевозили, использует такие слова, как «товарный вагон», или «кирпичный завод», или «ручная работа», «саратовская гармонь». Достаточно часто рассказчица употребляет местоимение «наши», что вообще характерно для традиционного сознания, в котором «Я» не выделяется.

По-видимому, свою роль сыграла интерференция со стороны калмыцкого языка. Особенность калмыцкого языка заключается в том, что в нем указанные части речи менее значимы, чем в русском. Если русский язык – это язык прилагательных, как об этом говорят иногда, то калмыцкий язык – язык глаголов. Образ мира калмыка, выраженный в его родном калмыцком языке – это мир кочевника. А кочевник – это, прежде всего, воин, который сражается за право пасти свой скот на степных пространствах. Экономическую основу кочевнической культуры составляют скотоводство и война. В обоих случаях наличествует постоянное движение, кочевник перегоняет свои стада по степи, с одной кочевки на другую. Необходимо время, чтобы степь восстановила себя после пастбы. Кочевник ищет новые пастбища по мере того, как увеличиваются его стада, а значит, воюет с теми, кто претендует на место в степном пространстве.

В традиционном обществе понятие труда обозначает не только производительный труд, но и такие виды труда, которые в индустриальном обществе не считают трудом. Анализируя разнообразные древнегреческие термины труда, Гринбаум отмечает, что Гесиод использует наряду с терминами, обозначающими производительный труд, также спортивный труд, поэтический труд и военный труд (Гринбаум, 1988: 168-178). Пиндар использует термин труда в значении военный труд – «труды военного времени», «труды троянской войны» (там же, 170). Такое толкование характерно для традиционного мировоззрения. Труд имеет значение усилий, направленных на достижение какой-либо цели, при этом неважно, как она достигается, какими средствами, путем созидания или разрушения. Для экономики докапиталистических обществ большое значение имели не только производство (земледелие, ремесло, скотоводство) или торговля, но и война. Война воспринималась как работа. Развитие значения «война-работа» характерно для многих языков, например, для тюркских (Сулейменов, 1975).

Война шла рука об руку с торговлей. В доиндустриальную эпоху одним из способов торговли было принудительное навязывание одним своего партнерства другим. В международном разделении труда кочевые и оседлые земледельческие культуры необходимо дополняли друг друга, так как восполняли недостающие предметы производства и потребления путем торговли. Торгующие стороны оценивали

выгодность или невыгодность обмена. В случае несогласия заинтересованная в продаже своих товаров сторона навязывала их силой. Так, вся история отношений кочевников и земледельцев разыгрывалась как драма вокруг торговли скотом, кожей, с одной стороны, и зерновыми и мануфактурой, с другой, стороны связывали отношения *торговли-войны*. В течение столетий история взаимоотношений *северных варваров*, к которым относились также предки калмыков – западные монголы, с Поднебесной была серией конфликтов и столкновений. Причина проста – необходимость установления товарообмена. *Северные варвары* хотели менять свои кожи, меха, мясо и прочие продукты кочевого хозяйства на порох, шелка, утварь и прочие блага китайской цивилизации.

Если взглянуть на проблему преобладания глаголов в калмыцком языке, то становится понятным, почему калмыцкий язык – это язык действий, а не определенный.

Свою роль в формировании такого *русского калмыцкого языка*, в котором меньше определений, чем глаголов, сыграл, по-видимому, тот факт, что со спецпереселенцами общались на языке императивов, на языке команд. Это была жизнь *под комендатурой*, калмыки должны были отмечаться в комендатуре и не могли покинуть поселение без специального разрешения коменданта.

Что же произошло дальше с таким русским языком? Используясь в межпоколенной трансляции культуры, такой *калмыцкий русский* стал повседневной речью молодых поколений. Несомненно, такой язык существенно повлиял на усвоение нормативного русского языка, преподаваемого в школе.

Сегодня лингвисты говорят о существовании разных английских языков – британском, американском, канадском, индийском, нигерийском и других английских. Английский язык является государственным языком не только в Британии или США, но и в Индии, Нигерии. Думаю, здесь уместна аналогия между индийским английским языком и калмыцким русским языком. Язык выполняет различные функции⁷ (Филин, 1981; Дешериев, 1976). Русский язык, став средством коммуникации в этническом сообществе, начинает исполнять и другие функции, ранее исполнявшиеся этническими языками. Лингвисты полагают, что русский язык для многих нерусских стал единственным средством межнационального общения (Филин, 1981: 293). С другой стороны, этнические языки, утрачивая прежние функции, начинают выполнять прежние функции в иной форме. Русский язык выполняет интегрирующую и дифференцирующую функции, функции трансляции культуры.

Что касается калмыцкого языка, то он используется калмыками как символическое средство этнической самоидентификации (Четырова и Топорков, 2005). Казалось бы, бесспорно, что национальная культура не может существовать вне языковой среды и сохранение культуры требует сохранения языка. Но даже в условиях утраты большинством этноса родного языка он используется как символический ресурс этнической идентичности, что подтверждает такой феномен, как языковая лояльность

⁷ По словам Н.А. Илюхиной, в лингвистике существуют различные классификации функций, которых насчитывают от двух до десятка в зависимости от степени дробности. Ведущей считается коммуникативная. В отношении других наблюдается терминологическое многообразие: мыслеформирующая, познавательная/кумулятивная/гносеологическая, номинативная/идентифицирующая, магическая, экспрессивная/эмоциональная, фактическая/контактоустанавливающая/контактоподдерживающая.

калмыков к своему родному языку.

Калмыки сегодня в массе своей русскоязычный народ. Как отмечают социолингвисты, у калмыков уровень языковой лояльности превышает 90%, хотя в действительности владеют калмыцким языком гораздо меньше калмыков. Сравнение итогов последних двух переписей населения показывает, что владение калмыцким снизилось с 1989 по 2002 более чем на 7 процентных пункта, а русским, наоборот, выросло почти на 6 пунктов. Как совершенно справедливо утверждает Д.Д. Богоявленский, вместо двуязычия происходит вытеснение калмыцкого языка русским, пока медленное, но, очевидно, ускоряющееся в связи с уходом старших поколений.⁸ В то же время почти 90% калмыков продемонстрировали высокий уровень языковой лояльности к калмыцкому языку и указали в документах последней переписи населения калмыцкий язык в качестве родного. Не зная языка, калмыки в документах переписи населения указывали, что говорят по-калмыцки. Язык в данном случае выступает как символический ресурс этнической идентификации. И это несмотря на то, что уже на протяжении трех десятилетий у школьников-калмыков, как отмечают эксперты в области образования, калмыцкий язык относится к числу наименее любимых предметов.⁹

Анализ материалов исследования «Современная молодежь: семья, образование, национальная культура», проведенного в 2006-2007 году, показывает, что взаимосвязи между владением родным языком и этнической принадлежностью не существует. Так, коэффициент сопряженности между вопросами «Какой язык Вы считаете родным?» и «Насколько важно для Вас осознавать себя представителем своего этноса?» составляет всего 0,12. Иначе говоря, для самоидентификации молодого калмыка не имеет значение, какой язык он считает родным – русский или калмыцкий. Зато обнаруживается взаимосвязь между первым вопросом и вопросом: «На каком языке Вы разговариваете?». В этом случае коэффициент сопряженности составляет 0,34. Это означает, что лишь треть опрошенных, считающих себя калмыками, говорит и понимает по-калмыцки.

Что касается субъективного отношения школьников к изучению языка, то они являются реакцией на некоторую искусственность преподаваемого языка. Эксперты из числа учителей отмечают, что в свое время был создан такой литературный язык, который далек от языка повседневного общения. По сути калмыцкий язык подгонялся в модели русского языка. Во-вторых, многие эксперты отмечают неудовлетворительность методики его преподавания. Было даже предложение отказаться от преподавания литературного языка как нежизненного и написать методические пособия по преподаванию живого разговорного языка.

Возвращаясь к вопросу, почему чеченцы и ингуши в отличие от калмыков сохранили

⁸ Как подсчитал научный сотрудник Роскомстата Д.Д. Богоявленский, в 1989 г. в РСФСР было 165821 калмыков, с родным калмыцким языком 154344, с родным русским 11356, свободно владели калмыцким как вторым 1540, а русским 144072. Таким образом, суммарно как родным и как вторым калмыцким владели 155884 или 94,01%, а русским 155428 или 93,73%.

⁹ В рамках социологического исследования ценностных ориентаций молодежи Калмыкии был проведен экспертный опрос, в котором принимали участие учителя, директора школ, работники органов управления образованием Калмыкии.

свой язык еще в советское время (сегодняшняя ситуация определяется уже факторами националистического характера), мне бы хотелось сказать следующее. Дело в том, что в калмыцкой культуре ценность образования была чрезвычайно высока, что также определяется буддизмом. Грамотные люди у калмыков всегда пользовались уважением и почетом. Переписи населения советского времени показывают, что число калмыков, имеющих высшее образование, было гораздо выше, чем у некоторых других народов. Условием же доступа к высшему образованию являлось и является знание русского языка.

В связи с этим встает такой важный вопрос, как сохранение калмыков как этноса. Языковая трагедия – это ведь трагедия гибели этноса. Однако калмыки используют разные средства для самосохранения этноса. Это уже указанная языковая лояльность, где калмыцкий язык исполняет символическую роль этноидентификатора. Кроме языковой лояльности, калмыками используется такой ресурс, как национальный театр, который ставит спектакли на калмыцком языке. При этом во время спектакля зрители-калмыки часто используют наушники для перевода, которыми оснащены кресла в театре.

Перевод пьесы на калмыцкий язык означал наряду с изменением языка изменение смыслов, заложенных в пьесе, так как языки традиционных культур не располагают достаточными ресурсами для выражения смыслов европейской культуры.

Кому адресована пьеса Мольера, сыгранная по-калмыцки, кто является ее реципиентом? Если учесть русскоязычие современных калмыков, то причиной может быть только потребность сохранения калмыцкого театра, да и в целом калмыцкой культуры.

Если же речь идет о двуязычном зрителе-калмыке, то он персонифицирует в себе интеркультурное взаимодействие. Он, стоящий на меже двух культур, воспринимает пьесу Мольера, поставленную на калмыцком языке. Как и что он воспринимает во время спектакля, будучи бикультурным зрителем? Одно дело, когда зритель владеет только одним языком, тогда те смыслы, которые конструируются в процессе перевода и трансляции универсалий европейской культуры в национальную культуру, однозначно интерпретируются благодаря существующим в культуре основаниям. Переводчик пьесы и режиссер, устанавливая основания смыслов пьесы, исходят из того, что существует единое основание смыслов, которое выступает как система, однозначно устанавливающая смыслы, право интерпретации в этом случае присваивается вначале переводчиком, затем постановщиком пьесы. Зритель попросту не знает иного и не может произвести редукцию смысла к объективному смыслу, заданному культурной универсалией. Иное дело бикультурный зритель, владеющий двумя языками, знакомый с универсалиями европейской культуры, что создает возможность и дает ему право самому интерпретировать смыслы, заложенные в спектакле. При этом нужно иметь в виду, что зритель на самом деле воспринимает культурные универсалии, транслированные в русскую культуру, выступающие уже не во французском, а в русском облики.

В этой связи было бы любопытно интерпретировать опыт восприятия этого спектакля калмыцкой диаспорой во Франции, так как французские калмыки имеют прекрасную возможность увидеть постановку пьесы на языке оригинала, во

французской среде.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что главная причина утраты языка кроется в советской модернизации, которая изменила традиционную культуру калмыков. Депортация лишь ускорила процесс ассимиляции калмыков. Отказ калмыков от своего этнического языка в пользу русского был обусловлен не только объективными причинами, но и субъективным выбором калмыков, стремящихся занять более высокую ступень в социальной иерархии. Вследствие утраты этнического языка перед калмыками встал вопрос о сохранении себя как этноса, так как этнический язык является важным этноидентифицирующим фактором и способом выражения культуры. Данная ситуация в какой-то мере разрешается при помощи использования калмыцкого языка как символического средства этнической идентификации. Помимо языка в процессе этнической самоидентификации играют свойственные традиционной калмыцкой культуре телесные практики, традиции и обычаи, сохранению которых уделяется большое внимание со стороны властей и общественности. Особая роль принадлежит возрождающемуся в республике тибетскому буддизму, учение и обрядовая практика которого активно усваивается калмыками.

REFERENCES

- Berry, J.W. (1990). Psychology of acculturation. *Nebraska Symposium on Motivation, 1989: Cross-cultural perspectives. Current theory and research in motivation*, 37, 201-234.
- Hirsch, F. (2005). *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca: Cornell University Press.
- Remilev, E. (2004). Why the Kalmyks Do Not Speak Their Own Language. *Mongolian Studies*, 37, 22-37.
- Алпатов, В.М. (1997). *150 языков и политика. 1917-1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства*. Москва: Институт востоковедения РАН.
- Бурдые, П. (1994). Социальное пространство и символическая власть. *Начала*. Пер. с франц. Н.А. Шматко. Москва: Socio-Logos.
- Гадамер, Х.-Г. (1988). *Истина и метод*. Москва: Прогресс.
- Гринбаум, Н.С. (1988). Ранняя классика Древней Греции в экономических терминах Пиндара. *Античность как тип культуры*, 164-178.
- Дамбинова, В.Д., Коростелев, А.Д. (1993). Этноязыковые процессы у калмыков. *Калмыки: Перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития*, 84-117.
- Дешериев, Ю.Д. (1976). *Развитие общественных функций литературных языков*. Москва: Наука.
- Дешериев, Ю.Д., Протченко, И.Ф. (1968). *Развитие языков народов СССР в советскую эпоху*. Москва: Просвещение.
- Мамардашвили, М.Л., Пятигорский, А.М. (1999). *Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символике и языке*. Москва: Школа «Языки русской культуры».
- Сиротинина, О.Б. (ред) (1983). *Разговорная речь в системе функциональных*

- стилей современного русского литературного языка. Лексика.* Саратов: изд-во Саратовского университета.
- Сулейменов, О. (1975). *Аз и Я. Книга благонамеренного читателя.* Алма-Ата: Жазуши.
- Филин, Ф.П. (1981). *Истоки и судьбы русского литературного языка.* Москва: Наука.
- Четырова, Л.Б., Топорков, В.А. (2005). Языковая лояльность как способ этнической самоидентификации. *Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях*, 64-74.
- Эран, Ф. (2004). Неизбежно ли исчезновение языкового многообразия? *Этнопанорама. Научно-публицистический журнал*, 1, 99-103.